

С.С. Воронцова (Москва)

**АНТИНОМИЯ «ВЕЧНОСТЬ – ВРЕМЯ»
И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭЛЕГИЧЕСКОГО ХРОНОТОПА
В ЛИРИКЕ В.Я. БРЮСОВА И К.Д. БАЛЬМОНТА¹**

Аннотация

В статье на примере лирики В.Я. Брюсова и К.Д. Бальмонта рассматривается, как при сохранении внутренней меры жанра, старшие символисты трансформируют элегию. Выдвигается тезис о том, что основные изменения обнаруживаются на уровне хронотопа – линейного времени и природного цикла в традиционной элегии. В статье эта пара представлена категориями «время» и «вечность», каждая из которых соотносится с особым пространством. Понятие «время» у Брюсова принадлежит внешнему миру, а «вечность» – внутреннему миру воображения художника. У Бальмонта данная пара включена в сюжет об изгнании из Рая: лирический субъект теряет вечность небесного пространства при переходе к земному времени. Вечность обнаруживается и в мире природы, с которым стремится сблизиться субъект. Небеса у Бальмонта напоминают об идиллии, которая возникает в элегии как утраченный локус. Идиллическое присутствует и в нижнем мире в виде пространства усадьбы, которое возникает в воспоминаниях о детстве, что тоже помещено в контексте сюжета об утраченном Рае. У обоих поэтов в ранних поэтических книгах взаимоотношения «времени» и «вечности» характеризуются по большей части как антитетические. Однако в статье демонстрируется их переход в разряд антиномий позднее. Если сначала субъект выбирает вечность, отвергая время, то в дальнейшем противоречия уравниваются в его сознании. Поэты стремятся преодолеть ограничения (смертность, невозвратность прошлого), которые накладывают элегический хронотоп. Продуктивна возможность будущего сопоставления данных стратегий трансформации элегии с другими, возникающими у символистов.

Ключевые слова

Жанр; хронотоп; элегия; антиномия; Брюсов; Бальмонт.

¹Исследование выполнено в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 24-18- 00248, <https://rscf.ru/project/24-18-00248>.

*S.S. Vorontsova (Moscow)***ANTINOMY “ETERNITY – TIME” AND
THE TRANSFORMATION OF THE ELEGIC CHRONOTOPOS
IN THE POETRY OF V.YA. BRYUSOV AND K.D. BALMONT¹****Abstract**

The article, using the instance of poetry of V.Ya. Bryusov and K.D. Balmont, examines how the older symbolists transform the elegy while preserving the internal measure of the genre. The argument is proposed that the main changes are found at the chronotop level – the linear duration of human existence and the cycle of nature in traditional elegy. In the article, this pair is illustrated by the concepts of “time” and “eternity”, each of which is associated with a distinct space. The concept of “time” in Bryusov’s poetry belongs to the external world, and “eternity” to the inner world of the artist’s imagination. In Balmont’s poetry this pair is integrated into the narrative of the expulsion from Paradise: the lyrical subject loses the eternity of celestial space during the transition to terrestrial time. Eternity is also present in the realm of nature, which the subject yearns to approach. The heavens remind of the idyll, which appears in the elegy as a lost locus. The idyllic place is also present in the form of the demesne lands which appears in the childhood memories. This theme is explored in the context of the narrative of the lost Paradise. In the early poetry collections of both poets, the interaction between “time” and “eternity” is primarily depicted as oppositional. The article illustrates their evolution into the category of antinomies. If at first the lyrical subject chooses eternity over time, then later the contradictions are equalized in his consciousness. Both poets aspire to transcend the constraints (mortality, the irreversibility of the past) that the elegiac chronotop creates. The possibility of future comparison of these strategies of transformation of the elegy with others that arise among the symbolists seems productive.

Key words

Genre; chronotop; elegy; antinomy; Bryusov; Balmont.

В период традиционалистского художественного сознания [Аверинцев, Андреев, Гаспаров... 1994, 15–16], эйдетической поэтики [Бройтман 2004, 13] или канона категория жанра является одной из основных, произведения ориентируются на конкретную модель построения. Канон элегии едва ли складывается к XVII в. Из трактатов (см., например: [Leblanc 1731; Michault 1734]) известно, что ее сближают с идиллией и монологом в трагедиях. «Традиционный» облик она приобретает к началу XIX в., когда, казалось бы, эпоха канона сменяется деканонизацией. Поэтому, обращаясь к устойчивой модели элегии, мы подразумеваем не канон, а внутреннюю меру жанра. Термин, предложенный Н.Д. Тмарченко, подчеркивает, что автор ориентируется не на готовую схему, у него есть «возможность образца выбора <...> создание нового варианта соотношения константных для жанра противоположностей» [Тмарченко 2004, 371].

Примерно в 1820-х гг. оформились отличительные черты элегии: набор эмоций с устойчивой образностью (уныние, разочарование, погруженность в воспоминания и т.п.); метафорика (например, осеннее увядание как старение);

¹The research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 24-18- 00248, <https://rscf.ru/project/24-18-00248>.

особый хронотоп, где индивидуальное время, краткость земного существования и невозвратность прошлого противопоставлены природному циклу. Бесконечное кругообразное движение времен года может быть описано категорией «вечность». На уровне пространства субъект находится в большом мире, который связывается нами с категорией «время». В элегии существует и малый мир как отголосок идиллического жанра [Магомедова 1999, 5–7]. В.И. Тюпа отмечает: «Идиллию следует признать одним из “вторичных” истоков элегического жанра» [Тюпа 2012, 25]. Идиллия в элегии для субъекта утрачена, она – один из предметов рефлексии. Ее пространство ассоциируется с вечностью через родовой уклад жизни, где предыдущее поколение отражается в последующем. Отпадение от рода ведет к тому, что «индивидуализованная смерть не перекрывается рождением новых жизней» [Бахтин 1975, 365].

Требует комментария выбор термина «антиномия», а не «антитеза». Время и вечность у В.Я. Брюсова и К.Д. Бальмонта вначале понятия антитетические, лирический субъект совершает выбор в пользу одного из них. Но постепенно они переходят в разряд антиномий. Субъект равно принадлежит времени и вечности. Это предварительное замечание, которое станет понятнее в ходе дальнейшего анализа. Повторим, что данная антиномия рассматривается в контексте конкретного жанра, поэтому в статье не затрагиваются все ее особенности в творчестве поэтов.

Обратимся к лирике Брюсова. Его основной вариант трансформации элегического хронотопа – переход от времени к вечности как переход от внешнего мира реальности к внутреннему миру творчества. Второй мир соотносим с утраченной идиллией. Подобно воспроизведению в будущем поколении, субъект оживает при каждом прочтении текста. В.В. Калмыкова отмечает важность такого акта коммуникации для Брюсова: «Открывая душу, художник тем самым *обретает залог бессмертия: зафиксированная в объекте искусства* (здесь и далее выделения в тексте наши – С.В.), она не выключается из круговорота общения в случае телесной смерти» [Калмыкова 2010, 119].

В предисловии к сборнику «*Chefs d’oeuvre*» Брюсов пишет о вечности как свойстве мира искусства: «Не современникам и даже не человечеству завещаю я эту книгу, а вечности и искусству» [Брюсов 1895, 8]; «поэтическое произведение не может умереть. Все на земле преходяще, кроме созданий искусства» [Брюсов 1896, 7]. Эта мысль находит подтверждение в его статье «Ключи тайн» (1903): «Создания искусства – это приотворенные двери в Вечность» [Брюсов 1990, 100].

В элегии указанная модель хронотопа впервые появляется в «*Me eum esse*» (1897). В этой книге стихов поэт-наставник призывает лирического субъекта быть верным творчеству: «Приветствуй лишь *грезы искусства*, // Ищи только *вечной любви*» [Брюсов 1897, 18]. Но противостоящая ему возлюбленная сбивает с истинного пути. Лирический сюжет – борьба со страстью на пути к вечности в поэзии. На эту тему как основополагающую для книги обращает внимание Е.В. Палий: «Брюсов решительно пытался порвать со “страшным миром”, уходя от действительности в сферу “чистого искусства”» [Палий 2014, 73].

Элегия в книге трансформируется, но сохраняются константы внутренней меры жанра. Соотнесение возрождения и умирания с временами года («погас весенний сон, // Листья осенние, войтесь!» [Брюсов 1897, 46]), осознание конечности бытия («Над миром скал проносятся годы, // Но вечен только мир мечты» [Брюсов 1897, 32]) и т.п. Невозможность же возрождения для человека

переосмысливается. Благодаря силе творчества лирический субъект достигает вечности, становясь «бесстрастным волхвом» [Брюсов 1897, 62].

Эта тема звучит в «*Tertia vigilia*» (1900) в стихотворении «Клеопатра». Прах «не хранит гробница» [Брюсов 1900, 27], целые династии и сотворенные человеком города – ничто перед ходом времени: «Погиб и вечный Рим, Лагидов нет» [Брюсов 1900, 27]. Но Клеопатра существует вечно в тексте, и поэт, воссоздавший ее образ: «*Бессмертен ты искусства дивной властью, // А я бессмертна прелестью и страстью: // Вся жизнь моя – в веках звенящий стих*» [Брюсов 1900, 27]. И в стихотворении «Голос», воспевая прошлое, поэт возвращает его в настоящее: «И что в былом свершилось раз, // Тому забвенья нет. // Пойми – весь мир, все тайны в нас» [Брюсов 1900, 64]. Но заметны ограничения: для человека чуждого искусству вечность недостижима, только если он не становится объектом изображения в творчестве.

В «*Stephanos*» (1906) в стихотворении «Помню вечер, помню лето...» прошлое для Брюсова не исчезает бесследно. Возлюбленные будут существовать вечно, так как запечатлены в поэзии: «Нам казалось: мы не жили, // Но когда-то Heinrich Heine // В стройных строфах пел про нас!» [Брюсов 1906, 10]. Не исключено, что, упоминая Г. Гейне, Брюсов отсылает к его циклам «Сновидения» и «Песни» из сборника «Книга песен» (1827), так как элегические стихотворения оттуда перекликаются с текстами из «*Stephanos*» в мотиве бессмертия в творчестве. У Гейне реальная возлюбленная утрачена, но ее образ сохранен в поэзии: «Осталось то, что воплотить я мог, // Давно когда-то, в звуки песнопенья» [Гейне 1956, 6]. Однако иллюзорный мир у него неспособен заменить настоящую любовь. Брюсов же подчеркивает идею преодоления границы между мирами – временем и вечностью.

В книге «Семь цветов радуги» (1916) развивается элегическая рефлексия над утраченными годами: «О чем еще мечтать мне в жизни этой? // Все ведомо, изжито, свершено» [Брюсов 1916, 7]. Но лирический субъект не испытывает разочарования и страха. Антитеза постепенно сменяется антиномией. Он принимает существование во времени, осознавая равную доступность вечности: «не вся ли жизнь прошла? <...> В своих живых стихах, как феникс, буду жить» [Брюсов 1916, 11]. То же и в «Памятнике», подхватывающем древнюю традицию, идущую от Горация: «Распад певучих слов в грядущем невозможно, – // Я есмь и вечно должен быть» [Брюсов 1916, 13]. Еще один пример – из книги «Последние мечты» (1920). В стихотворении «Ожерелье дней» субъект, несмотря на тоску об ушедшем, соглашается с неизбежностью движения времени, ведь все продолжает существовать в мечте-поэзии: «Пусть каждый камень мертв – они горели. // Горят и ныне – факелом души!» [Брюсов 1920, 9]. Возрождение в горении напоминает и об образе феникса из «Семи цветов радуги».

От стремления избежать реальности, противопоставления времени вечности, субъект приходит к тому, что обе категории являются его частями. Описывая эстетические взгляды Брюсова, Калмыкова указывает на характерную антиномичность в этом вопросе: «Вечность как подлинное время-место обитания не противопоставляется мигу <...> Миг двойствен: он апеллирует и к вечности, и к личности» [Калмыкова 2010, 120].

Перейдем к Бальмонту, у которого основная модель трансформации элегического хронотопа – сюжет изгнания из Рая. С книги стихов «Под северным небом» (1894) лирический субъект обладает тем, что С.Д. Титаренко именует «психологической памятью» [Титаренко 2018, 129]: он осознает причастность

к вечности, но вынужден существовать во времени. Первое – свойство небесного мира, второе – земного. Субъект – носитель противоположных начал, и Бальмонт сразу ближе к антиномии. Но в ранних стихотворениях внимание направлено на вечность, как предпочтительную категорию, поэтому можно говорить и об антитетичности. В стихотворении «Молитва» поэт впервые отсылает к библейскому сюжету: «Создал Ты Рай – чтоб изгнать нас из Рая. // Боже, опять нас к себе возврати» [Бальмонт 1894, 6]. Переход от вечности к времени формулируется через платоновский тезис о теле как темницы души: «Зачем Ты даровал мне *душу неземную* // – И *приковал меня к земле?*» [Бальмонт 1894, 11]. Свойство вечности присуще и природе, где «Времени нет» [Бальмонт 1898, 10], субъект стремится слиться с ее стихиями на пути к Раю.

В книге «Горящие здания» (1900) происходит сближение небес с утраченной идиллией. Воспоминаниям о Рае противопоставлены воспоминания о нравственном падении. Состояние субъекта – наказание за отказ от Рая в желании познать земное. Лишь поборов страсти, он способен вернуться в вечность. Земное небо превращается в иллюзию: «Небесный свод, как *потолок*, стал низким; // Украшенный *игрушечной* Луной» [Бальмонт 1900, 208]. При освобождении от оков времени оно сменяется «морем Света», где «Вселенная, *бессмертием* одета» [Бальмонт 1900, 210].

В «Будем как солнце» (1903) олицетворением вечности становится центральный образ светила – «бессмертного» и «молодого» [Бальмонт 1903, 2]. Жизнь же субъекта подвластна ходу времени, он был «закинут // К этим низостям земли» [Бальмонт 1903, 204], хотя ему известна изначальная принадлежность к «племени богов» [Бальмонт 1903, 204]. Он рефлексировал над трагедией краткости человеческого бытия: «Время упало и не встанет, // Сжимает мертвой петлей» [Бальмонт 1903, 213]. Как и раньше, ему хочется преодолеть границу между мирами: «Мы жаждем неба на земле» [Бальмонт 1903, 217]. Сливаясь со стихией, субъект прокладывает путь к бессмертию: «Дай мне быть <...> Каплей в *вечном... Вечность!* Океан!» [Бальмонт 1903, 23].

Двойственность человека, смертного на земле, но чувствующего связь с высшим миром, отражается в становлении времени и вечности антиномией: «Творцы себя, мы *вечны и мгновенны*» [Бальмонт 1903, 243]. По мнению Н.П. Крохиной, в этом «единстве мгновения и вечности проявляется важнейший космогонический закон единства большого и малого» [Крохина 2024, 82]. Противоречия должны быть приняты, в финале субъект достигает бессмертия и объединения противоположных начал: «Мой разум слит с безбрежностью блаженства, // Поющего о *мертвом и живом*» [Бальмонт 1903, 283]. Так и в сборнике «Хоровод времен» (1908) субъект ощущает: «звено // Есть между вышнего и мной, // Что *темный с светлой есть одно*, // Что я *земной и неземной*» [Бальмонт 1908, 112].

Для поэта характерно «стремление преодолеть “пустые” круговращения <...> через погружение в мир древнейших культур» [Титаренко 2018, 129]. Это актуально для примирения времени и вечности в цикле «Индийские травы». Как подчеркивает Т.В. Бернюкевич, в контексте буддизма их взаимодействия у Бальмонта выражено в том, что «мотив “мимолетности бытия” <...> связан с кратковременностью этого “мига” и «с вечной повторяемостью “мгновений”, <...> составляющих бесконечную повторяемость жизни и смерти <...> единое бытие, точно так же, как художник, <...> творит свою картину Вечного из “мимолетности”» [Бернюкевич 2010, 165]. Отсюда и значимость символа кругового движения. Это и сансара – круг земных страстей

и страданий, от чего должен освободиться человек. И круг – соединение антиномических полюсов одной сущности: «Космос в качестве мандалы <...> объединяет начало и конец, положительное и отрицательное, бытие и небытие» [Ханзен-Лёве 2003, 72]. Тогда он символизирует не негативное перерождение, так как «Я» становится частью вечного Единого. В книге «Зарево зорь» (1912) схожая идея присутствует в стихотворении «Благовестие»: «Кто думает, что жизнь, сгорая, // Не возгорится, тот слепец» [Бальмонт 1912, 147]. Эпиграф к тексту взят из «Бхагавадгиты», в которой говорится о реинкарнации. Философия отречения от мирского, отдаляющего от слияния с божественным, напоминает о ситуации субъекта Бальмонта, ведь ему, чтобы возвратиться в Рай, тоже необходимо преодолеть земные страсти.

Отметим еще один аспект – представление идиллического локуса в виде усадьбы. На рубеже веков формируется восприятие усадьбы как утраченного Рая, из которого был неизбежен уход. Усадьба в литературе этого времени практически всегда «помещена в прошлое: историческое (другая эпоха) или индивидуальное (детство, юность героев)» [Богданова 2019, 110]. В книге «Литургия красоты» (1905) появляется образ сада как райского, а описываемая детская пора ближе всего к состоянию, в котором субъект пребывал в Раю: «Мы видим в младенчестве вещие сны, // Так близки мы к Небу тогда» [Бальмонт 1905, 195]. Титаренко считает: «Именно ребенок в поэтической системе Бальмонта является символом первозданной чистоты души и ее возрождения» [Титаренко 2018, 127]. Во взрослом возрасте, смотря на неизменное, в отличие от человека, небо, субъект не в состоянии вернуться к прежнему восприятию: «И снова, как в детстве, светили // Созвездья <...> Сказали нам, с пением вод, // Что к прошлому нет нам возврата» [Бальмонт 1905, 198].

Из краткого обзора видно, что в хронотопе элегии у старших символистов трансформируется пространство вечности. У Брюсова – это внутренний мир воображения поэта, у Бальмонта – утраченный Рай.

Бальмонт подчеркивает двойственность человека, принадлежащего и времени, и вечности. Он снимает противоречия благодаря всеединству. В некоторых текстах конфликт разрешается через буддизм и идею перерождения. Особый инвариант пространства вечности воплощает локус усадьбы, в котором библейский миф дан как метафора детства – периода, когда человек не потерял невинность и не обрел знания о смерти.

У Брюсова движение к антиномии происходит не за счет представлений о высшей реальности, он в целом лишен мистицизма, как замечает Д.Е. Максимов, который был бы связан «с религиозным содержанием» [Максимов 1986, 43]. Поэтому переход к антиномии происходит в следствии принятия существования «Я» во внешнем мире, при сохранении вечности в искусстве. Не последнюю роль в этом играет коммуникативный аспект произведений, что позволяет преодолевать границу времени и продолжать существовать в сознании другого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. С. 3–38.
2. Бальмонт К.Д. Будем как солнце. Книга символов. М.: Скорпион, 1903. 290 с.
3. Бальмонт К.Д. Горящие здания. Лирика современной души. М.: [Б. и.], 1900. 213 с.

4. Бальмонт К.Д. Зарево зорь. М.: Гриф, 1912. 166 с.
5. Бальмонт К.Д. Литургия красоты. Стихийные гимны. М.: Гриф, 1905. 236 с.
6. Бальмонт К.Д. Под северным небом. Элегии, стансы, сонеты. СПб.: [Б. и.], 1894. 84 с.
7. Бальмонт К.Д. Тишина. Лирические поэмы. СПб.: [Б. и.], 1898. 160 с.
8. Бальмонт К.Д. Хоровод времен. Всегласность. М.: [Б. и.], 1908. 128 с.
9. Бахтин М.М. Фольклорные основы раблезианского хронотопа // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 355–373.
10. Бернукевич Т.В. Буддийские мотивы в лирике К. Бальмонта // Гуманитарный вектор. Серия: философия, культурология. 2010. № 2. С. 164–168.
11. Богданова О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с.
12. Бройтман С.Н. Историческая поэтика. М.: Академия, 2004. 352 с.
13. Брюсов В.Я. Последние мечты. Лирика 1917–1919 года. М.: [Б. и.], 1920. 63 с.
14. Брюсов В.Я. Семь цветов радуги. Стихи 1912–1915 года. М.: Издательство К.Ф. Некрасова, 1916. 247 с.
15. Брюсов В.Я. Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии. М.: Советский писатель, 1990. 720 с.
16. Брюсов В.Я. Chefs d'oeuvre. Сборник стихотворений: (Осень 1894 – весна 1895). М.: [Б. и.], 1895. 62 с.
17. Брюсов В.Я. Chefs d'oeuvre. 2-е изд., с изм. и доп. М.: [Б. и.], 1896. 62 с.
18. Брюсов В.Я. Me eum esse. Новая книга стихов. М.: [Б. и.], 1897. 62 с.
19. Брюсов В.Я. Tertia vigilia. М.: Скорпион, 1900. 173 с.
20. Брюсов В.Я. Στεφανος. Венок. Стихи 1903–1905 гг. М.: Скорпион, 1906. 184 с.
21. Гейне Г. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Книга песен. Трагедии. Ранние стихотворения. М.: ГИХЛ, 1956. 418 с.
22. Калмыкова В.В. «Единственным мерилom... остается художественность» (Эстетика В.Я. Брюсова) // Вопросы философии. 2010. № 12. С. 116–126.
23. Крохина Н.П. Философия мгновения в поэзии К.Д. Бальмонта // Научный поиск: личность, образование, культура. 2024. № 3. С. 80–83.
24. Магомедова Д.М. Идиллический мир в жанрах послания и элегии // Болдинские чтения. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 1999. С. 5–12.
25. Максимов Д.Е. Брюсов. Поэзия и позиция // Максимов Д.Е. Русские поэты начала века: Очерки. Л.: Советский писатель, 1986. С. 6–198.
26. Палий Е.В. Мотивы «чистого искусства» в сборнике «Это – я» В. Брюсова // Вопросы русской литературы. 2014. № 28 (85). С. 67–74.
27. Тамарченко Н.Д. Жанровый «канон» и «внутренняя мера» жанра // Теория литературы: в 2 т. Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: Академия, 2004. С. 368–372.
28. Титаренко С.Д. Трагическая метафизика Ницше: идея вечного возвращения в поэзии К. Бальмонта и Вяч. Иванова // Соловьевские исследования. 2018. № 1. С. 122–136.
29. Тюпа В.И. Генеалогия лирических жанров // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2012. № 4. С. 8–31.
30. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. СПб.: Академический проект, 2003. 816 с.
31. Leblanc J.-B. Élégies de Mr L. B. C. avec un discours sur ce genre de poésie, et quelques autres pièces du même auteur. Paris: Chaubert, 1731. 163 p.
32. Michault J.-B. Réflexions critiques sur l'élégie. Par Mr. M****. Dijon: [S. n.], 1734. 190 p.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Bernyukevich T.V. Buddiyskiye motivy v lirike K. Bal'monta [The Buddhist Motives in the K. Balmont's Lyric Poetry]. *Gumanitarnyy vector. Seriya: filosofiya, kul'turologiya*, 2010, no. 2, pp. 164–168. (In Russian).
2. Kalmykova V.V. "Edinstvennyy merilom... ostayetsya khudozhestvennost" (Estetika V.Ya. Bryusova) ["The Only Measure... Remains Artistry" (Aesthetics of V.Ya. Bryusov)]. *Voprosy filosofii*, 2010, no. 12, pp. 116–126. (In Russian).
3. Krokhina N.P. Filosofiya mgnoveniya v poezii K.D. Bal'monta [Philosophy of the Moment in the Poetry of K.D. Balmont]. *Nauchnyy poisk: lichnost', obrazovaniye, kul'tura*, 2024, no. 3, pp. 80–83. (In Russian).
4. Paliy E.V. Motivы "chistogo iskusstva" v sbornike "Eto – ya" V. Bryusova [Motives of "Art for Art's Sake" in the Collection "This Is Me" by V. Bryusov]. *Voprosy russkoy literatury*, 2014, no. 28 (85), pp. 67–74. (In Russian).
5. Titarenko S.D. Tragicheskaya metafizika Nitshe: ideya vechnogo vozvrashcheniya v poezii K. Bal'monta i Vyach. Ivanova [Nietzsche's Tragic Metaphysics: Idea of the Eternal Return in K. Balmont's and Vyach. Ivanov's Poetry]. *Solov'yevskiy issledovaniya*, 2018, no. 1, pp. 122–136. (In Russian).
6. Tyupa V.I. Genealogiya liricheskikh zhanrov [Genealogy of Lyrical Genres]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskiye nauki*, 2012, no. 4, pp. 8–31. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

7. Averintsev S.S., Andreyev M.L., Gasparov M.L., Grintser P.A., Mikhaylov A.V. Kategorii poetiki v smene literaturnykh epokh [Categories of Poetics in Interchange of Literary Time Periods]. *Istoricheskaya poetika. Literaturnyye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya* [Historical Poetics. Literary Time Periods and Types of Artistic Perception]. Moscow, Naslediye Publ., 1994, pp. 3–38. (In Russian).
8. Bakhtin M.M. Fol'klornyye osnovy rablezianskogo khronotopa [Folklore Foundations of Rabelais's Chronotope]. Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Esthetics. Research of Different Years]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975, pp. 355–373. (In Russian).
9. Magomedova D.M. Idillicheskiy mir v zhanrakh poslaniya i elegii [An Idyllic World in the Genres of Epistle and Elegy]. *Boldinskiye chteniya* [The Boldino Readings]. Nizhniy Novgorod, Nizhny Novgorod State University Publ., 1999, pp. 5–12. (In Russian).
10. Maksimov D.E. Bryusov. Poeziya i pozitsiya [Bryusov. Poetry and Attitude]. Maksimov D.E. *Russkiye poety nachala veka: Ocherki* [Russian Poets of the Early Century: Essays]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1986, pp. 6–198. (In Russian).
11. Tamarchenko N.D. Zhanrovyy "kanon" i "vnutrennyaya mera" zhanra [Genre "Canon" and "Internal Measure" of the Genre]. *Teoriya literatury* [Theory of Literature]: in 2 vols. Vol. 1: *Teoriya khudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaya poetika* [Theory of Literary Discourse. Theoretical Poetics]. Moscow, Akademiya Publ., 2004, pp. 368–372. (In Russian).

(Monographs)

12. Bogdanova O.A. *Usad'ba i dacha v russkoy literature XIX–XXI vv.: topika, dinamika, mifologiya* [Manor and Cottage in Russian Literature of the 19th – 21st Centuries: Topics, Dynamics, Mythology]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 288 p. (In Russian).
13. Broymtan S.N. *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Moscow, Akademiya Publ., 2004. 352 p. (In Russian).
14. Hansen-Love A. *Russkiy simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Mifopoeticheskii simvolizm. Kosmicheskaya simbolika* [Russian Symbolism. The System of Poetic Motives. Mifopoeticheskii simvolizm. Kosmicheskaya simbolika].

Mythopoetic Symbolism. Space Symbolic]. St. Petersburg, Akademicheskiiy proyekt Publ., 2003. 816 p. (In Russian).

Воронцова Светлана Сергеевна,

Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН.

Аспирант, младший научный сотрудник.

Научные интересы: лирические жанры, поэтика символизма, женская проза серебряного века.

E-mail: tslana97@mail.ru

ORCID ID: 0009-0009-2268-4814

Svetlana S. Vorontsova,

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Postgraduate student, Junior research associate.

Research interests: lyrical genres, poetics of symbolism, women's prose of the Silver Age.

E-mail: tslana97@mail.ru

ORCID ID: 0009-0009-2268-4814